

К Р О К О Д И Л

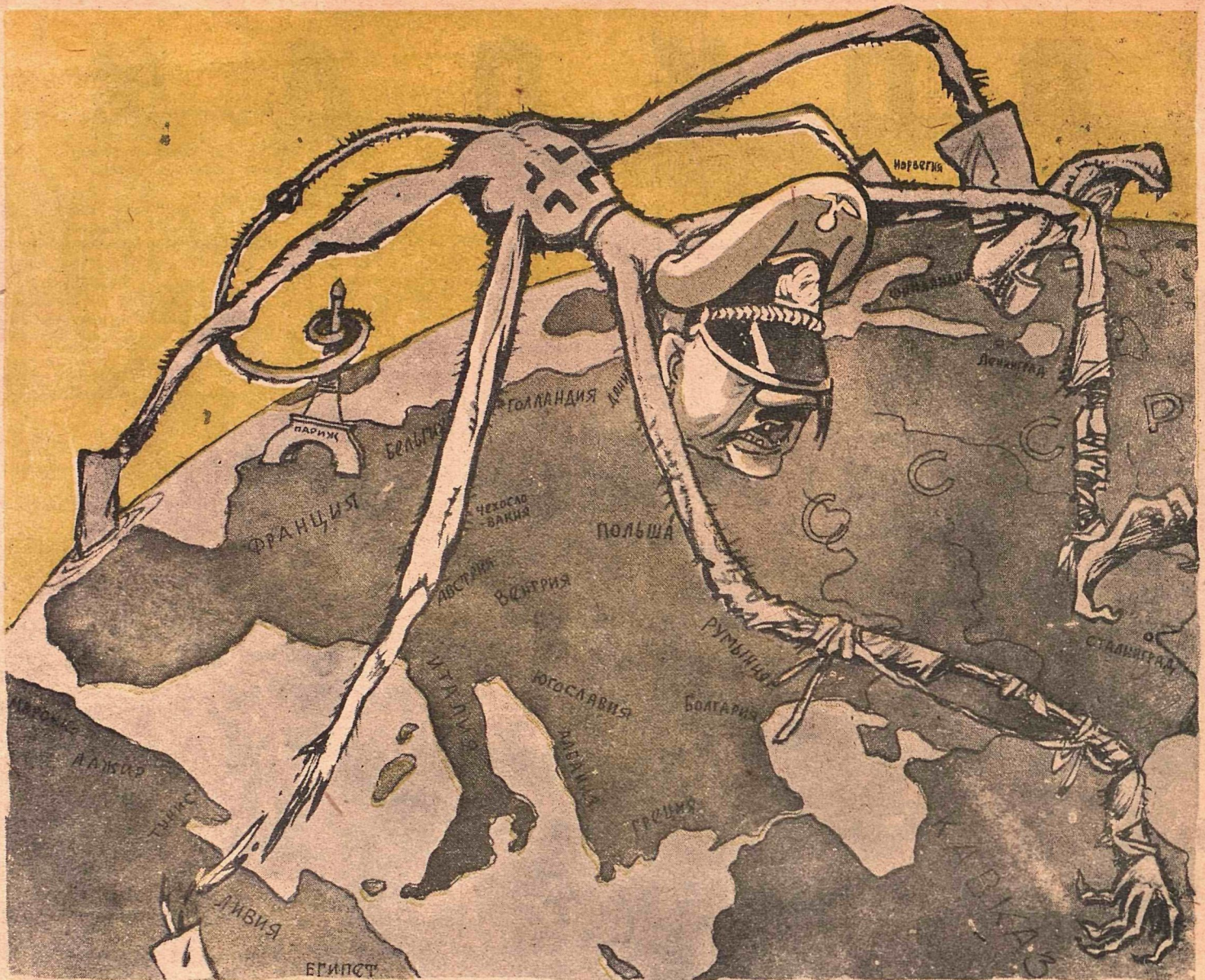
На Урале, в Сибири, в Поволжье, Казахстане, в Средней Азии зажили второй жизнью эвакуированные военные и гражданские заводы.

Рис. К. Елисеева

— Вот он, Краматорский завод!..

— Нет, врешь! Вот он, Краматорский завод!

Где тонко, там и рвется.

Плохая карьера ✓

Б РАВЫЙ командир лихой итальянской дивизии «Горный индюк» генерал Удиратти ходил по кабинету большими, победоносными шагами.

Генерал нервничал.

И в то напряженное время, когда сей бесстрашный полководец совершал двенадцатый поход от окна к двери, его верная супруга сеньора Аслабелла была всецело занята тем, что усиленно грызла своего превосходительного мужа.

Она сверкала глазами, ехидно улыбалась и бросала в супруга такие ядовитые словечки:

— Мерса-Матрух!

— Эль-Аламейн!

— Сиди-Баррани!

Человеку непосвященному покажется странным, почему нежнейшая сеньора Аслабелла ругается на таком своеобразном египетско-ливийском наречии.

Но из дальнейших объяснений все станет ясным. Дело в том, что из-за каких-то мелких интриг в генеральном штабе генерал Удиратти был обойден по службе. Карьере генерала был нанесен непоправимый удар.

Его превосходительство стойко, как и подобает мужчине и воину, переносил свое горе. Но генеральша, создание более хрупкое и чувствительное, метала громы и молнии.

— Мне нужна пустыня! — кричала она своим сладчайшим меццо-сопрано. — Пустыня! Слышишь ли, что я говорю тебе, идиот несчастный!

Идиот несчастный в этот момент совершал переход от стола через коврик к этажерке. Сладчайшее меццо-сопрано, не переводя дыхания, продолжало:

— Пустыня! Или ты перестал понимать итальянский язык? Только пустыня! Эль-Газал! Соллум! Бак-Бак!

Командир дивизии «Горный индюк», зацепившись за коврик, сделал вынужденную посадку и, опустившись в изнеможении на первый попавшийся стул, виновато пробормотал:

— Ницца!

Это только подлило масла в огонь. Воспламенившись, сеньора взвилась ракетой и, сжав кулаки, атаковала генерала Удиратти. В силу привычки, генерал, не желая вступить в соприкосновение с противницей, стремительно отступил, скрывшись за этажеркой.

Но сеньора, ведя активные боевые действия, смелым рывком просочилась в расположение командира дивизии «Горный индюк».

— Что ты сказал? — грозно спросила она. — Повтори, что ты сказал!

— Ницца, — упавшим голосом произнес генерал.

— Не смей разговаривать со мной по-французски. Не произноси при мне таких пошлых слов. Ницца!

— Но что я могу поделать? Интриги...

— Тряпка! Не можешь за себя постоять. Посмотри, как другие твои коллеги идут в гору. Все в гору, а ты в Ниццу. Где генерал Убеганти?

— Попал в плен к англичанам в районе Мерса-Матрух.

— Вот видишь. Это тебе не Ницца. Мерса-Матрух — как это поэтично звучит! Люди умеют устроиваться. А где генерал Драпунни?

— Взят в плен в Эль-Аламейне.

— Какое музыкальное слово — Эль-Аламейн! Попал в плен... Ах, какой это карьерист, этот Драпунни!

— У него большие связи.

— А куда девался генерал Падуччио?

— В Сиди-Баррани...

— Взят в плен?

— Конечно.

— Вот видишь. А тебе в эту Ниццу!.. Что ты, несчастный, там будешь делать? Ведь там нет ни одного англичанина, ни одного американца. Кому ты будешь сдаваться в плен? Кому? На что это похоже: итальянский генерал — и не в плену! Как стыдно!..

Сеньора Аслабелла громко зарыдала. Мужественный генерал не мог спокойно видеть женских слез. Он подошел к жене, положил ей руку на голову и ласково сказал:

— Успокойся, моя дорогая. Может, и в Ницце появятся американцы и англичане. Все может быть. Я даже уверен, что так оно и будет. И моя крошка будет гордиться своим мужем. Ну немножко позже (других, но и он будет там, где все прочие итальянские генералы. Главное — не надо терять надежды.

Г. РЫКЛИН

Дуэль ✓

В ДОМЕ отдыха, где были на поправке выздоравливающие военные, находился и профессор-зоотехник Горбунов. Толстенный, на коротких ножках, он чудесно рассказывал разные забавные случаи из своей жизни.

Вечерний чай кончен. Все — с костылями и без костылей, в халатах и пижамах — примостились к камину, к уютному, живому огоньку.

— Ну-с, дорогой Павел Петрович... Повеселите нас чем-нибудь, — стали просить отдыхающие.

— Извольте, — охотно согласился профессор Горбунов. — Только на сей раз я расскажу вам нечто трагическое, уж извините... Это было много лет тому назад. Нас, шестерых молодых зоологов, по окончании университета направили на казенный счет в Берлин совершенствовать там свои познания. Пятеро из нас — люди средние, обыкновенные, а вот шестой, Варсонофий Капустин, был парень наособицу. Во-первых, верзила в сажень ростом, тощий, очень сильный, жилистый и слегка сутулый; во-вторых, тихий, застенчивый, воды не замутит, ну что твой теленок; в-третьих, любил выпить, и тогда накатывала на него фантазия: то он неаполитанский король, то Бова-королевич... Мы очень любили его, всячески опекали и нянчились с ним, как с ребенком.

И вот подросла широкая русская масленица. Наш ресторанчик, где мы столовались, помещался в подвале. Туда ходило много русских, но заглядывали и студенты-немцы. Хозяин ресторана, баварец с двойным подбородком, всячески старался угодить русским. И можете себе представить: на масленицу — великолепные русские блины.

Мы все шестеро уселись, как всегда, за отдельный столик и заказали стопку блинов в аршин высотой да ведро пива. Через две минуты мы уже наслаждались горячими блинами. Варсонофий был оживлен, как никогда. Я забыл упомянуть, что ему было уже за тридцать годков.

Через три столика от нас сидела немецкая молодежь. Они довольно задирчиво стали вести себя по отношению к нам, русским... И чем больше они пьянели, тем развязнее становились. Оттуда до наших ушей долетали выражения вроде: «русские варвары», «русские медведи, пффе...» А мы на них нуль внимания. Думаем: чорт с ними, пускай безобразничают в своем отечестве. Впрочем, я сказал: «Будь это у нас в Елабуге, я разукрасил бы им морды». Особенно же старался оскорбить нас полупольский студент-белоподкладочник с двумя шрамами: на лбу и на щеке. Он то и дело вскакивал, то и дело взбрасывал в левый глаз монокль и, избочаясь в нашу сторону, начинал вызывающе разглядывать нас.

Но мы снова нуль внимания... Это их взорвало. Белоподкладочник опять вскочил, опять вскинул монокль, уставился на нас и забормотал: «Толстокожие... Разве их этим проймешь?.. Мужланы, ха-ха-ха!.. У них вместо нервов ржавая проволока, ха-ха-ха!..» Мы видим, как у Варсонофия задвигались на скулах желваки. Он выбрал сужонький блинок, проделал в нем отверстие, поднялся, вскинул блин, как монокль, к глазу и, тоже изогнувшись в сторону обидчиков, громко, на весь подвал крикнул по-немецки: «Эй, ты!.. Облезлый барин!.. А ну, повернись: каков ты со спины? Я тебе коленкой киселя поддам... Слышишь, картофельная колбаса с собачьим салом?»

Тот столик затих. И нам показалось, что на минуту смолк весь ресторанчик.

Вдруг от того столика подходит к нам вислоухий низенький студент, отдает нам полупоклон и говорит напыщенно:

— Мой товарищ барон фон Рихт считает себя оскорбленным вот этим вашим товарищем — не имею чести знать его фамилию. Мой товарищ барон фон Рихт вызывает вашего товарища на дуэль шпагами. Но... Так как вы, русские, люди малоцивилизованные и о всяких видах спорта имеете отдаленное понятие, то мой товарищ дает вашему товарищу две недели на подготовку...

— Без всякой подготовки! — запальчиво закричал наш Варсонофий. — Сейчас!.. Я готов сейчас драться... Я ему покажу цивилизацию!

Секундант удалился и тотчас вновь подошел к нам:

— Барон фон Рихт, выслушав предложение вашего товарища драться немедленно, нашел это нелепым и, со своей стороны, настаивает на сроке поединка через две недели. Я должен приватно сообщить вашему товарищу, что он будет иметь дело с известнейшим дуэлянтом: барон фон Рихт занимает по шпаге четвертое место в Германской империи.

— Передайте вашему фон-барону, что я готов с ним драться не через две недели, а завтра утром.

— Это — ваше последнее слово?

— Самое последнее...

Студент положил перед носом Варсонофия карточку с адресом, где должна состояться дуэль, поклонился и ушел. Мы готовы были немедленно пойти умолять барона намировую, мы хотели пристыдить его: не

подло ли, мол, искусному рубаке убивать простодушного деревенского парня? Но Варсонофий категорически запретил нам это делать. И мы все шестеро с горя принялись пить. Как добрались до дому, не помним.

Дома мы отрезвели и погрузились в мрачные думы. А Варсонофий сразу же, не раздеваясь, завалился в длинных сапожищах спать и тотчас захрапел. Мы не знали, как спасти любимого товарища от неминуемой смерти. Чорт их знает, этого баронишку и ихние немецкие законы: ухлопает чужестранного человека — и крышка. Может быть, заявить в полицию или попросить защиты у русского посланника?

В восемь часов утра мы подъезжали в омнибусе к вертепу цивилизованных санюлотов. Мы везли как бы на погребальных дорогах своего еще пока живого товарища к месту вечного успокоения. Нам было тяжело. А Варсонофий — чтоб ему! — подсмеивался над нами и шутил. Странно, очень странно: уж не случилось ли у него со вчерашнего перелопа повреждения ума?

Утро было пасмурное, похоронное. Черные деревья в белом инее, как в трауре. И в моем взбаламученном сознании вдруг возник мотив некрасовской песни:

«И пришлось нам нежданно, негаданно
Хоронить молодого стрелка».

Я тронул друга за руку и каким-то придушенным голосом проговорил:

— Слушай, Варсонофий. Конечно, я уверен, что ничего такого-этого не произойдет, то есть чего-либо трагического... Но... ведь ты сам должен понимать... И мне хотелось бы...

— Что, адрес моих родителей? Ты его получишь в канцелярии нашего института, — словно угадав мои мысли, ответил Варсонофий и, нахмурившись, сказал: — Да глупости!.. Вообще чепуха на постном масле.

Однако помрачнел и он: стал хмурить брови, нервно передергивать плечами.

Но вот за поворотом улицы, в конце сквера — «Клуб высшей школы фехтования».

Нас встретил знакомый секундант с оттопыренными ушами и провел в подвальный этаж. Мы вступили туда, как в могильный, кладбищенский склеп. Горели масляные фонари, поделанные под старину. На стенах висели боевые щиты, кольчуги, скрепленные копыя, карабины, пистолеты и прочие принадлежности разбоя.

Я не стану описывать дальнейших подробностей да и плохо помню их: я, признаться, дрожал, как озябший, облысый пес. Нам вычитывали какие-то правила, мы расписывались в книге, предъявляли документы.

Я отвел секунданта в сторону и осведомился: сколько времени может продолжаться поединок?

— Минут пятнадцать — двадцать, — ответил секундант. — Но барон фон Рихт обычно расправляется с соперниками много быстрее.

Прозвучал сигнальный рожок. Оба противника: наш огромный, но тощий верзила Варсонофий Капустин и знаменитый убийца барон фон Рихт — крепко пожали друг другу руки, разошлись и снова стали сходиться к барьеру, как два готовых к драке петуха.

И вот...

Бой был столь внезапен, столь стремителен, что мы не успели закрыть разинутых от удивления ртов.

Поединок гремел не двадцать минут, а ровно три секунды. В воздухе сверкнули три страшных молнии. Первая — рубанула барона в лоб, от удара второй из его рук вылетела шпага, третья молния обрушилась на спину барона. Оглушенный немец упал и потерял сознание.

Громко ляская зубами, мы тряслись и ничего не понимали в происшедшем. Варсонофий был бодр и свеж. Он с ироническим поклоном отдал свою шпагу секунданту.

Доктор быстро привел пострадавшего в чувство и стал бинтовать его голову. Оказывается, наш милейший друг высек из немецкого лба довольно порядочную косточку, величиной с ноготь большого пальца. Впоследствии эту косточку барон оправил в золото и с корпоративной гордостью носил как брелок.

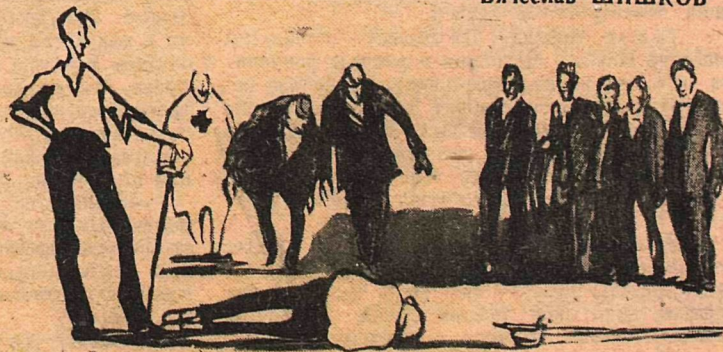
Нервная лихорадка преследовала нас всю обратную дорогу, и только дома мы пришли в себя. Мы бросились целовать нашего смешного Варсонофия и хором спрашивать его:

— Варсонофий, камарад, друг, товарищ!.. Да как это тебя, сукин ты кот, угораздило? Сатана, что ли, тебе, этакому увальню, помог? Ведь тут же одной силой...

— Хм! — перебил нас Варсонофий. — Ну и чудачки же вы, братцы... Впрочем, я позабыл вас своевременно предупредить... Ведь я же в Артиллерийской академии был четыре года штатным преподавателем фехтования.

Мы всплеснули руками и, как помешанные, захохотали.

Вячеслав ШИШКОВ

Иллюстрации Л. Бродаты

ЛАВАЛЬ: — Судя по лицам парижан, наши дела крайне неважны.

Герой из Африки ✓

Лейтенант Джузеппи Вазилини сидел в холле офицерского лазарета в Риме и рассказывал приятелю — газетному репортеру Николо Мазолини — о своих подвигах в Африке.

— Вы здесь, в Риме, не имеете понятия, что такое борьба в африканской пустыне! — говорил Джузеппи, кокетливо выставляя забинтованную правую ногу. — Фантазируете, выдумываете бог знает что. А нужно просто, без затей описывать подвиги наших легионеров, и тогда публика просто ахнет, читая ваши бесхитростные записи.

— Святая правда, Джузеппи! — подхватил репортер Николо Мазолини и жестом фокусника вытащил из кармана блокнот и вечное перо. — Мой редактор говорит то же самое: никакой фантазии, никакой лжи. Факты, факты и факты!.. Будь другом, расскажи о каком-нибудь героическом подвиге твоих стрелков.

Джузеппи Вазилини подумал и важно сказал:

— Ну изволь. Дело было в Западной пустыне. Немцы нас бросили и ушли. Мы, третья рота, держим рубеж одни. День держим, два держим, пять дней держим рубеж. Припасы кончаются, вода наисходе, а мы держим!..

— Молодцы! — восхитился репортер Николо Мазолини. — Я запишу так: «Пять дней, отбивая непрерывные атаки англичан...»

— Обожди! — остановил репортера африканский герой. — Никаких атак мы не отбивали. Мы ожидали противника. Наконец, на шестой день появился английский грузовик, в кузове которого сидело три австралийца. Мы окружили их, но не тут-то было. Австралийцы оказали сопротивление!..

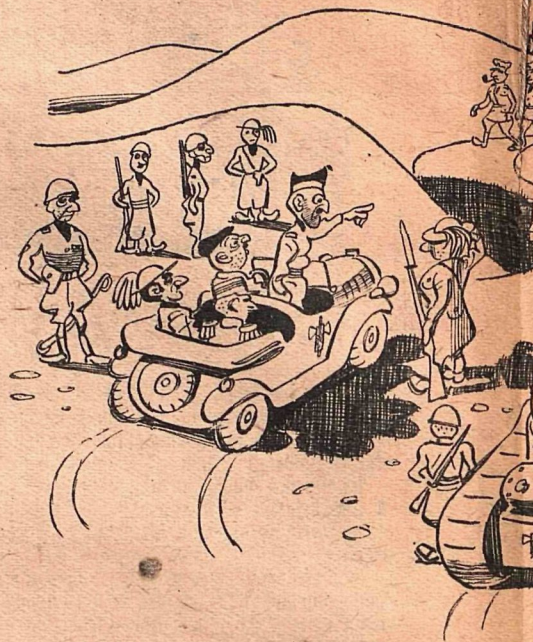
— Я запишу так: «отчаянное сопротивление».

— Именно: отчаянное. Они категорически заявили, что могут взять в плен только одну роту итальянцев, а налицо было две. И обе хотели сдаться!.. Что тут получилось! Святая мадонна!.. Эти подлецы из третьей роты пустили в ход котелки и лупили моих легионеров по мордам так, что кровь хлестала, как на скотобойне. Мы дрались, как львы, но, потеряв две трети боевого состава, вынуждены были отступить. Шакалы из третьей роты на наших глазах уселись в грузовик к австралийцам и, помахав нам платочками... Что же ты не записываешь?..

— Видишь ли, Джузеппи, — мягко сказал репортер Николо Мазолини, — этот... бой, конечно, весьма героичен. Но хотелось бы, понимаешь, чтобы легионеры дрались не друг с другом, а с противником. И чтобы дело обошлось без плена!..

Лейтенант Джузеппи Вазилини нахмурился и стал думать. Думал он долго, но ничего придумать не мог.

— Может быть, ты расскажешь что-ни-

— Сидеть тихо, не двигаясь! Ника! Как только англичане прибудут...

будь смешное? — пришел на помощь приятелю репортер. — Что-нибудь такое, понимаешь, героически-смешное, а?!

— Смешное?! — оживился лейтенант. — Пожалуйста! У меня в роте был стрелок Бенито Капуццини — страшный пьяница. Однажды, напившись, он ушел с товарищем в пустыню и встретил льва. Лев зарычал, приятель Капуццини замер в ужасе, а храбрый Бенито...

— Я запишу так: «Метким выстрелом наповал уложил владыку пустыни!..»

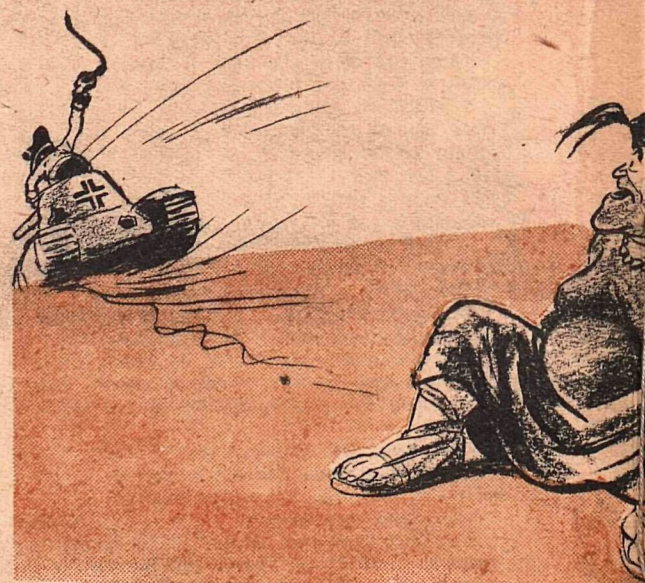
— Обожди!.. Храбрый Бенито икнул, снял каску и вежливо спросил: «Простите, вы будете британский лев?» Лев снова зарычал. Тогда Бенито поднял руки и сказал: «Если вы британский, то я сдаюсь!» Лев на него набросился и сожрал целиком. Забавная история? Пойдет?..

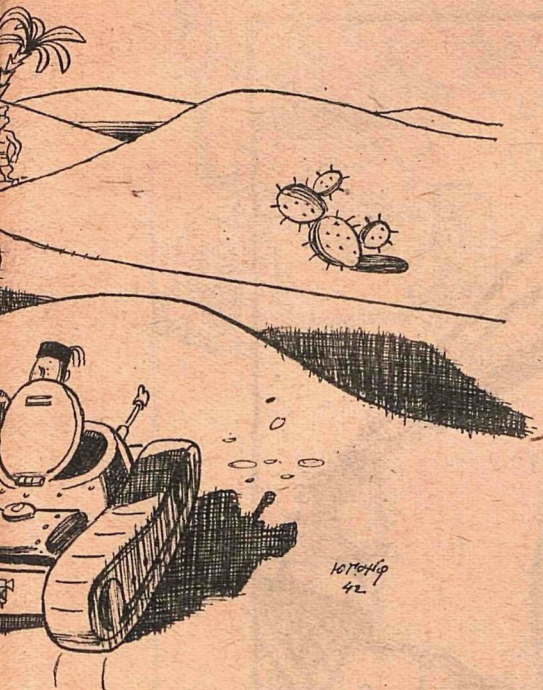
— Вряд ли! — вздохнул репортер. — Ведь дело опять не обошлось без плена.

Наступило тяжелое молчание.

— Я придумал! — сказал репортер. — Ты мне просто расскажешь историю своего ранения, Джузеппи!

— Пожалуйста, — обрадовался лейтенант. — Дело было так. Мы, офицеры дивизии «Стрела» стрелой мчались на своем грузовике, спасаясь от наступающих англичан. Только остановились в одном оазисе, чтобы заправиться горючим

Зорко следить за движением против-
ник, дружно сдадимся!

как вдруг прилетели американские истребители. Поднялась суматоха. Каждый стремился удрать поскорее. К нам в грузовик полезли немецкие танкисты, и мы...

— Я запишу так: «...и мы братски приняли своих союзников в грозный миг смертельной опасности...»

— Обожди. И мы стали лягать их, куда придется, чтобы они не лезли. Какой-то здоровенный рыжий немец вцепился зубами в мою ногу и прокусил мякоть до кости... В общем мы все-таки удрали!.. Вот тебе история моего ранения. Пойдет?..

— Вряд ли,— печально сказал репортер,— редактор не пропустит. Я лучше сам что-нибудь придумаю, Джузеппи. Из области фантазии. Хорошо?... А то жизнь — она ведь не блещет красками, как говорится.

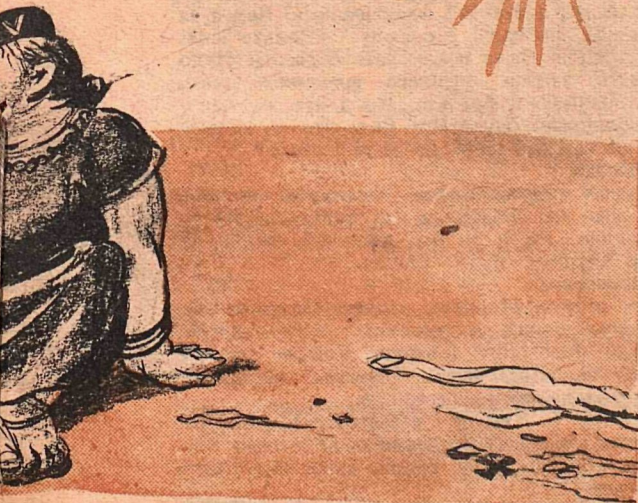
— Не блещет! — согласился лейтенант и равнодушно прибавил: — В вашем деле без фантазии нельзя. Придумывай, Николо, что хочешь. Мне все равно. Мне одно обидно: если бы меня этот рыжий немец тогда стащил с грузовика, я, может быть, уже в плену был бы...

И лейтенант Джузеппи Вазилини с неприязнью посмотрел на свою забинтованную ногу.

Леонид ЛЕНЧ

ОЙ ПУСТЫНЕ

Немцы, поспешно ступая, бросают на произвол судьбы итальянцев.

— кобыле легче.

ПЕТЭН: — Не до Алжиру,— быть бы живу!..

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ АТТЕСТАТ ГИТЛЕРА

Взят из довольствия Италией, Румынией, Венгрией, Финляндией с первых дней войны.

Мясом пушечным удовлетворен частично, в последнее время не удовлетворен из-за нехватки такового на базе.

Хлебом, особенно украинским, совершенно неудовлетворен. Вместо хлеба получает партизанскую шрапнель в неограниченном количестве.

Будет исключен с довольствия в недалеком будущем, еще до приговора международного трибунала.

(«Красная Армия»)

СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

— Ты слышал, Ганс, какую сообразительность проявил наш ротный минометчик?

— Какую?

— Мы побежали от русских, а он — русским.

(«Герой родины»)

ПРОСТОЙ ВЫХОД

— Что ты сделаешь, Петров, если в разведке натолкнешься на одного немца?

— Убью его.
— А если окажется десять немцев?
— Сделаю так, чтобы остался один. А уж как поступить с одним, я знаю.

(«Вперед»)

НА ОТДЫХЕ

— Руди, ведь ваша часть была на отдыхе. Где же тебе ногу оторвало?

— Мы отдыхали в Югославии.

(«На разгром врага»)

ЗАВИСТЬ ФИННА

— Этот Вейкко умеет жить.

— А что такое?

— Да ему опять приснилось, что он досыта наелся.

(Журнал «Сквозняк»)

В БОЕВОМ ОХРАНЕНИИ

ЛЮДВИГ: — Карл, к нам сегодня приехал полковник Берн учить, как бороться с советскими снайперами.

КАРЛ: — А где же он?

ЛЮДВИГ: — Час тому назад убит советским снайпером.

(«Часовой Севера»)

В Берлине ей оказали прямо:
— Они — рабы, мы — господа!
И вот — хозяйственная дама! —
Она приехала сюда.

— Я буду вас учить культуре!
Свистит, как встарь, господский кнут.
Но будет день — немецкой дуре
В деревне сделают «капут»:

Нам никогда не быть рабами,
Им в господах у нас не быть!..
Для памяти — берлинской даме
Мы можем это топорами
На чем угодно зарубить.

Из блокнота именинника

Понедельник

...Кто-то сказал: «Наш товарищ директор — сегодня именинник...» Пожалуй, что совершенно правильно. И поздравления как на именинах, и пожелания, и даже умиление какое-то почти до слез. Нет, лучше, чем на именинах, гораздо лучше. Просто очень даже хорошо! Писать не могу. Хочется обнять кого-нибудь и поцеловать крепко-крепко...

Вторник

Как хотел, так и сделал: обнял и поцеловал незнакомого гражданина, вошедшего в кабинет. Оказался специальным корреспондентом. Ну, ничего. Корреспонденты — это чуткие люди. Стало быть, кроме похвалы по радио будет еще похвала через печать. Растем, растем! Гордимся и не стыдимся, что гордимся. Ведь кабы кто-нибудь из сотрудников похвалил, — эка невидаль! Или бы жена: «Молодец, Петяша!» А тут авторитетный, не допускающий возражений голос диктора на весь Союз! Как это?.. Да: «Предприятие, где директором товарищ Коркин, показывает образцы». Образцы! Здорово! Второй день хожу именинником.

Среда

Есть статья! Правда, небольшая, но теплая.

Отмечено перевыполнение, хорошо написано на счет понимания задач военного времени, ну, и опять же про образцы. Приятно. Да, собственно, это и заслуженно. Эта похвала, — по существу, плод наших трудов. Больших трудов. Именно теперь, когда они отмечены, я ощущаю, какие они огромные. И вполне естественно, что похвалили, но все же лестно. Третий день хожу именинником.

Четверг

Было собрание. Прошло тепло и торжественно. Много аплодировали. Многие выступали. Конушкин сказал, что мы показываем образцы. Совершенно правильно сказал. Медузна отметила понимание задач военного времени. Это — очень продуманное замечание. Промокахин с цифрами в руках сообщил о перевыполнении. И только механик — чорт его знает! — завел панихиду, что топливо наисходе, что в котельной нужен ремонт, что не хватает... Да ну его к свиньям! Положим, это и на самых порядочных именинах бывает, что какой-нибудь отдельный пессимист налягает на чистую скатерть. А настроение все равно именинное.

Пятница

Нет, кажется, на именинах все-таки лучше. Там с хозяина не спрашивают — лопают, что дают. А тут претензий не оберешься. Вслед за механиком полезли отовсюду: «Нельзя снижать темпов! Надо показывать образцы! Надо понимать задачи военного времени!» Очень даже понимаю и без вас. Но дайте же человеку немножко очухаться. Ведь это не каждого и не каждый день по радио хвалят.

Суббота

Пришел корреспондент. Тот самый, чуткий. Но я уже не собирался его целовать. Не то настроение. Да и он бы, пожалуй, нынче не дался. Кажется, будет статья...

Воскресенье

Есть статья. И опять радио... Опять голос, не допускающий возражения: «Предприятие, которым руководит товарищ Коркин, за эту неделю невыполнило... Образцы легкомыслия... Недопонимание задач...»

Как это в старину называлось? Кажется, черствые именины? Вот именно, но только сейчас это гораздо хуже, просто даже ни в какое сравнение.

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов. 42.

— В прошлом году, Фриц, мы обожглись этой пищей, а в этом году фюрер подает ее через сур остывшей.

Письмо из дому

Здравствуй, почта полевая — вести с дальней стороны. Мы дороже ценим слово в дни страданий и войны. Как получишь весть из дому, дочитаешь до конца, И опять начнешь сначала, с первых строчек письмеца. Долгожданная записка и конверт из дальних мест. Никогда не устареет, никогда не надоест. Склеен он с такой любовью, с осторожностью такой И подписан материнской, чуть дрожащею рукой. Видно, плохо стали видеть постаревшие глаза, Видно, ей писать мешала непослушная слеза. Сын прочтет письмо в окопе, и тогда ответит он На любовь ее — любовью и поклоном — на поклон. И припомнит милый город в первом зимнем серебре, Тонконогие березки, старый тополь во дворе, Отразивший четверть неба и знакомый с детства пруд — Все, что в сердце сохраняют, все, что родиною зовут. Далеко любимый город, далеко родная мать... Что бы, братцы, вам такое перед боем пожелать? Чтобы ветер был попутным, чтоб спокойным был привал, Чтоб в бою свинец немецкий ваше сердце миновал. Чтобы вы не знали страха, чтоб была у вас всегда В сумке свежая рубашка, в фляге — чистая вода... Чтоб с победой вы вернулись на знакомое крыльцо, Чтоб из дому получили заказное письмецо.

Мих. МАТУСОВСКИЙ
Северозападный фронт.

Прикурил!

ДЕЛО было после дождика. Туман рассеялся. Лежу я в блиндаже, и в голове мысли разные.

«Вот,— думаю,— пришли фрицы на нашу землю, хотя, чтобы мы, русские, им услужили. Что ж, мы им стали услужать по-своему, по-русски. Я сам 88 немцам услужил. Одному фельдфебелю помог солдат сосчитать, когда он построил их: из пяти немцев уползло только двое. В другой раз фрица облегчил, когда тот с патронами пробирался: остался фриц отдыхать на земле навечно. Потом как-то «кукушке» помог с дерева слезть — кубарем летел фриц».

Под такие мои мысли вышел из блиндажа фриц. Сел на землю, спиной к дереву прислонился и так усердно стал руками размахивать, что даже у меня в глазах зарыбило.

«Что бы это значило?» — интересуюсь.

Сверился через оптику. Вижу: в зубах у фрица трубка.

Тут я сразу понял: портит фриц спички, полкоробка извел, а все прикурить не может.

«Надо дать ему прикурить!» — решаю. — Чего фрицу мучиться? Надо и этому, восьмидесяти девятому, помочь».

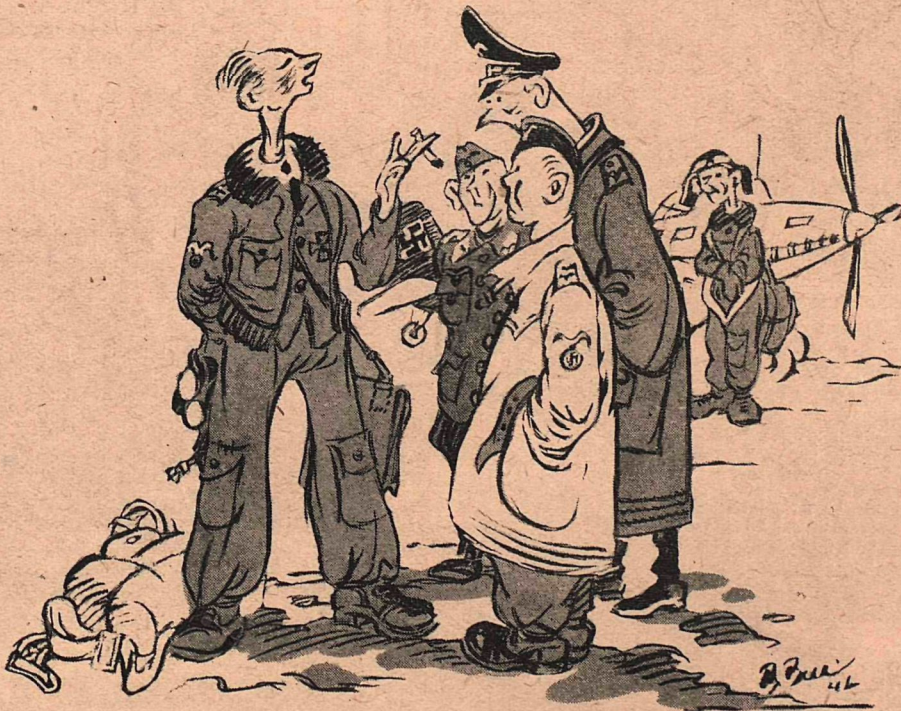
А «зажигалка» у меня добрая, безотказная.

Прицелился я и подбросил огоньку. Упал фриц, поблагодарить даже не успел.

И. ЛЕТУНОВСКИЙ,
снайпер

СТЕРВЯТНИКИ

Рис. В. Васильева

— Делаю второй заход и точно кладу бомбу... Чертовски трудно было попасть...
— Цель мала, что ли?
— Крошечная: лет пяти—шести девчонка.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 897

Подп. к печати 24/XI 1942 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 61728.

Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

Зак. 3173.

Тираж 135 000 экз.

20

Рис. Ю. Ганфа

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯР

4 ДЕК 1942

Период
и серии

„Лет
рецензий“

„Журн.
лет“

2841

Получ.

в р. л.

Ст. №

57 XII

Ю. Ганфа 42

- Там вас спрашивает дама.
- Кто такая?
- Говорит, что вы ее хорошо знаете по прошлому году.
- Не может ли она обождать? Мы не совсем одеты.